

ЧАСТЬ 1.....9

В которой нарушаются правила, что вызывает недовольство мисс Ваткинс; репетиция оркестра Капитана Вандердекена прервана, в приюте «Солнечная бухта» появляется незнакомка; двое детей, а с ними и щенок, проходят сквозь калитку и оказываются Непонятно Где.

ЧАСТЬ 2.....49

В которой чувствуется сильный запах корицы; Пип и Флора встречают большое животное, старого друга и компанию плохо воспитанных трясунцов; Флора удивляет всех, включая себя, а кое-кто готовит пурпурное желе.

ЧАСТЬ 3.....79

В которой путешественники прибывают в Город Снергов и Горбо получает Не-приглашение; Королева устраивает пир с нужным количеством пирогов, песен и стояний на голове, и кажется, что приключение почти закончилось, — пока

Тигр не пускается в погоню за чем-то, что исчезает среди Виляющих Деревьев...

ЧАСТЬ 4..... 115

В которой мисс Ваткинс собирает Экспедиционное Войско, а путники оказываются в Грибных Тоннелях, естественной среде обитания Волосатого Моржа; в Стране Келпов Горбо угрожают белым корнем, а дети доверяются хитрому Шуту.

ЧАСТЬ 5 155

В которой Горбо бросает вызов Бедственному Болоту, а Уилмус рискует быть съеденным крокопотамом; Флора на собственном опыте постигает, что не следует принимать имбирные пряники от чужаков; нечто удивительное случается с Балдри, и на всех рысях прибывают келпы Короля Кула.

ЧАСТЬ 6..... 189

В которой Горбо пытается быть героем и ему это не удаётся; Экспедиционное Войско прибывает ко двору Короля келпов; многое получает объяснение, в том числе происхождение жабы вдовы Мелдрум, а также разведывается, какая ведьма чем ведаёт.

ЧАСТЬ 7.....225

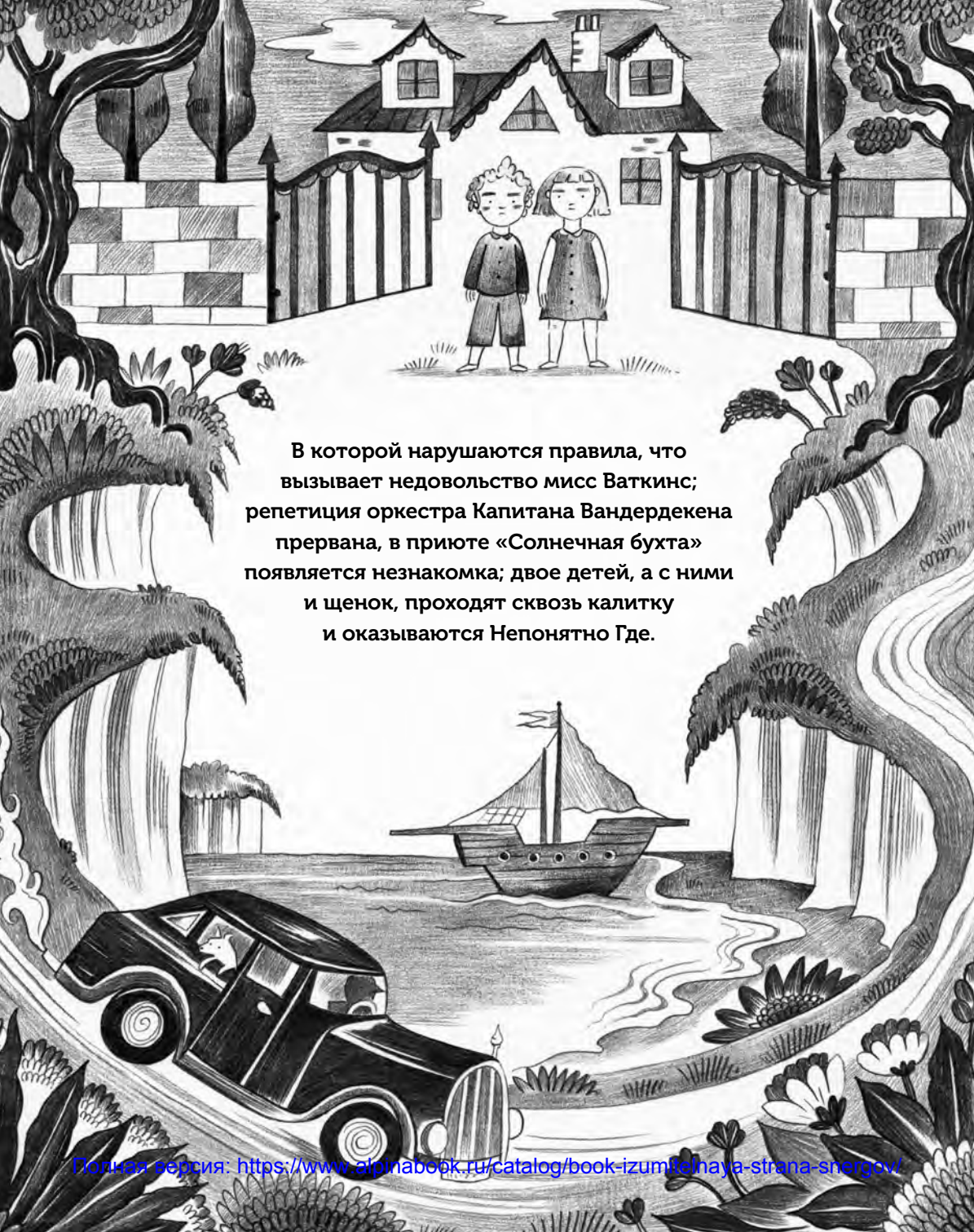
**В которой Малисия забирается на Гоблинский Утёс,
а у Голифоса выдаётся незадачливый день; Горбо
в конце концов становится героем; Пип блистательно
ловит кое-кого; Флора говорит о том, что думает,
а Тигр играет свою роль.**

ЧАСТЬ 8.....255

**В которой Пип и Флора возвращаются в «Солнечную бухту»,
где всё теперь не совсем так, как было раньше;
мисс Ваткинс берёт в приют нового — и удивительно
большого — нечаянно безродного ребёнка; Тигр съедает
приглашение, а в воздухе немножко веет корицей...**

*Приношу извинения всем, кто знал и любил
эту книгу такой, какой она была. Я сделала всё
возможное, чтобы сохранить дух оригинала,
но истории – живые существа, а эта история
оказалась куда более непоседливой, чем прочие.
Будучи выпущена из-под обложки, она повела себя
совсем как щенок Тигр и без всякого предупреждения
принялась с грохотом носиться в самых
неожиданных направлениях. Мне не оставалось
ничего другого, кроме как следовать за ней.
Простите меня.*

В которой нарушаются правила, что
вызывает недовольство мисс Ваткинс;
репетиция оркестра Капитана Вандердекена
прервана, в приюте «Солнечная бухта»
появляется незнакомка; двое детей, а с ними
и щенок, проходят сквозь калитку
и оказываются Непонятно Где.

— Дети нуждаются в правилах, — объявила мисс Ваткинс. — А правилам следует подчиняться.

Эта дама была сделана из углов и прямых линий, вся такая аккуратная и чёткая, от шпилек в волосах до кромки её длинных чёрных юбок. Мисс Ваткинс верила в хорошие манеры, честную игру и полезность свежего воздуха для подрастающих детей, а ещё она верила в правила.

С прямой спиной, она, словно каменная, сидела за большим столом, на котором никогда ничему не позволялось быть не на своём месте. Даже золотая рыбка в хрустальной вазе-аквариуме плавала строго по часовой стрелке. За спиной мисс Ваткинс открытое окно впускало в комнату солнечный свет, пропахший солёным морем, крики и возгласы ликующих детей, выпущенных поиграть на воздухе, и мяу-

канье чаек. А перед ней расположились три нарушителя правил: девочка, мальчик и маленький человечек, который не был ребёнком и которому следовало бы понимать, что можно, а что нельзя.

Флора — её лицо почти скрывалось под копной светлых волос — сидела молча и неподвижно. Этой девочке всегда была присуща некая отрешённость, она выглядела как человек, который держит свои мысли и чувства при себе. Рядом с ней на скамье ёрзал худенький мальчик с исцарапанными коленками, он болтал ногами и внимательно поглядывал на мисс Ваткинс тёмными блестящими глазами. Пип давно приучился к бдительности: при первых признаках угрозы он был готов вжать голову в плечи и пуститься наутёк.

В Доме для ненужных и нечаянно безродных детей, именуемом «Солнечной бухтой», скамья, на которой сидели Пип и Флора, имела своё название. Она была известна как Скамья нагоняев, её деревянную поверхность отполировало множество виноватых задниц. Флора и Пип очень хорошо знали эту скамью, но сейчас нагоняю подвергался кое-кто другой.

— Дети в «Солнечной бухте» не *голодают*, господин Горбо, — проинформировала мисс Ваткинс стоявшего перед ней низенького тучного человечка. Не такая уж большая часть этого человечка виднелась над столешницей, хотя был он вполне взрослым, взрослее не бывает. — У них тщательно сбалансированная диета, они получают много чернослива, а по воскресеньям им отводится дополнительная порция заварного крема. Хорошо отрегулированный желудок — залог хорошо отрегулированного ума. А теперь объясните мне, почему я нахожу этих двоих, — мисс Ваткинс взглянула на Пипа

и Флору, — в том месте, где им не положено быть, и в то время, когда им там быть не положено, да ещё усыпанных крошками и перемазанных вареньем?

Горбо порывисто вздохнул.

— Всего лишь несколько пирожков с вареньем, в этом ведь нет вреда, правда? Такой маленький полуночный обедик. Как говорила моя мама, «съешь пирог, хоть полкусочка, — вот и пролетела ночь».

— Были нарушены правила. *Это* всегда во вред, — твёрдо сказала мисс Ваткинс. — Детей застали в бельеов шкафу, куда им не позволено залезать. Есть между установленными приёмами пищи не позволено. Принимать еду от чужаков не позволено...

— Горбо не чужак, — возразил Пип. — Он наш друг.

— ...а находиться вне постели после Отбоя, — продолжила мисс Ваткинс, не обращая внимания на то, что её перебили, — *строго запрещено*. Я не могу допустить, чтобы дети бродили в темноте. С ними может произойти множество неприятных вещей, от заноз до безвременной смерти.

Горбо стыдливо повесил голову.

— Возможно, господин Горбо не прочитал наши правила, — предположила мисс Криппинг, экономка «Солнечной бухты». Это была пухленькая дама, уютная как диванная подушка, с озорным огоньком в глазах. Когда-то она сама была сиротой в «Солнечной бухте» и с тех пор так и осталась здесь. Мисс Криппинг помнила всё, что происходило в Доме для ненужных детей, вплоть до тёмных времён, которые царили здесь, прежде чем управляющей стала мисс Ваткинс. — Вы умеете читать, господин Горбо?

— Если быть точным, я не умею *не* читать. — Сморщив нос, Горбо посмотрел на длинный список правил и инструкций, висевший на стене в комнате мисс Ваткинс. — Но всё зависит от того, каким почерком написано, и какие именно слова, и ведут ли себя буквы так, как им положено. Некоторые буквы очень уж корёжатся, просто диву даёшься. Лучше читается, если я делаю вот так. — Горбо согнулся, сунул голову между ногами и уставился на правила снизу, изучая перевёрнутый текст. — Вот, теперь всё умство прилило к моей думалке...

Пип захихикал. Мисс Ваткинс испепеляюще взглянула на него.

— Пожалуйста, никаких насмешек. Бессердечию не место в «Солнечной бухте».

— Я не бессердечен. — Пип, вовсе не испепелённый, ответил ей таким же взглядом. — Подумаешь, Горбо не умеет читать, ну и что?

Дело в том, что Пип тоже не умел читать. Его жизнь началась в цирке, где он был самым маленьким членом Сказочного Семейства Самолетающих Семифреды. Всё, что от него требовалось, — это знать, как раскачиваться на трапеции. Никто не позаботился о том, чтобы научить его чему-то ещё. Когда судьба забросила Пипа в «Солнечную бухту», ему предоставили парту в классной комнате, где он стал сидеть с другими детьми, но все знания, казалось, скатывались с него, как с гуся вода.

Мисс Ваткинс снова переключила внимание на стоявшего перед ней человечка.

— Повариха очень расстроена, — сообщила она Горбо. — Эти пирожки с вареньем предназначались для чаепития в честь дня рождения мисс Криппинг.

— Я очень люблю клубничное варенье, — призналась мисс Криппинг.

— Я не знал. — Горбо разогнулся с самым виноватым видом. — Счастья вам в ваш какойнадцатый-какойнадцатый-какойдцатый день рождения, мисс Скриппинг, и многая лета тысячу раз!

— Не надо так много «какоев», если не возражаете, — резко ответила мисс Криппинг. — Мне всего сорок три.

— Совсем ребёнок! А мне-то было двести и одиножды-два последний раз, когда кому-то понадобилось сосчитать мои годы. Неужели я никогда не вырасту и не научусь вести себя благоразумно? — Горбо ударил себя по лбу ладонью и упал на колени. — О Горбо, ты не Горбо, ты мучительно мелкий мерзопакостник, вот ты кто!

— Поменьше драматизма, пожалуйста, — сказала мисс Ваткинс ледяным тоном. — Встаньте, господин Горбо. Нам нужно поговорить. Вот уже несколько недель, как вы появились в «Солнечной бухте» в поисках работы. «Любой случайной работы», как вы сказали. По *вашим* словам, вы могли бы приложить свои руки к чему угодно. С тех пор я веду учёт ваших достижений.

— Неужели? — обеспокоенно спросил Горбо.

Надев очки, мисс Ваткинс сверилась со списком, лежавшим на столе.

— На чердаке в крыше была обнаружена течь...

— Я заделал отверстие, — уверил Горбо мисс Ваткинс. — Тщательно заделал. Ни капельки дождя не просочилось... пока не выглянуло солнце и ириска не растаяла.

— Вы сказали мне, что можете починить мои часы, — продолжила мисс Ваткинс.

Все посмотрели на часы из красного дерева, стоявшие на каминной полке. Они весело тикали, но все три стрелки двигались в обратном направлении.

— Время идёт вперёд, господин Горбо, — констатировала мисс Ваткинс. — Так уж устроен мир. — Она снова сверилась со списком. — Я не собираюсь распространяться о полках, которые вы соорудили в спальне мальчиков, однако жаль, что маленький Хамфри оказался под ними, когда полки обрушились. Этому уже не поможешь. Хамфри плакал час или даже два, а потом перестал; я полагаю, что повреждение нельзя считать необратимым.

— Кровотечение остановилось, — подтвердила мисс Крипинг, — а шишка уже уменьшилась.

Горбо совсем поник.

— Я подстриг вашу живую изгородь, мадам, — сказал он тихим голосом.

— Да, — мрачно согласилась мисс Ваткинс. — Подстриг.

Она встала из-за стола, подошла к окну и выглянула наружу. За стенами приюта скала обрывалась к бухте, где вода играла на солнце и волны лизали светлый песок, похожий на крошки печенья. Отсюда открывался прекрасный вид на остров Тупиков, но взгляд мисс Ваткинс был устремлён к саду. По обеим сторонам высоких железных ворот росли рябины. Между шпалерами розмарина и лаванды играли дети. Кое-где кустарник был подрезан так, что получились довольно странные фигуры.

— Вы просто художник, господин Горбо.

Конечно, мисс Ваткинс так не думала, но Горбо просветлел. Он подпрыгнул на месте, подошёл к мисс Ваткинс и встал рядом с ней.

— Это моя тётушка Шмяка в своей лучшей шляпке, — пояснил Горбо, показывая на куст, который был изуродован так, что стал походить на большую поганку. — Это чайник. А вот *это*... — добавил он, легонько поклонившись в сторону мисс Ваткинс, — предполагалось, что это *вы*. Боюсь, вышло не очень хорошо. Получилось что-то вроде ведьмы...

— Злой ведьмы? — спросил Пип со своей скамьи.

— Злой как не знаю что, — подтвердил Горбо. — Это видно по её острому носу. Совсем как в...

— Как в сказке, — перебила его мисс Ваткинс. — Ведьмы бывают в сказках. *Только* в сказках. Я думаю, мы все знаем это.

Горбо с сомнением посмотрел на неё и пощупал счастливый жёлудь, который всегда висел у него на верёвочке, обвитой вокруг шеи.

— Вы ещё скажите, что не бывает ни гоблинов, ни трясунцов, ни обжимал, ни червей-соплеходов...

— Кто такие трясунцы? — требовательно спросил Пип. Даже Флора шевельнулась, её лицо все ещё было скрыто волосами.

— Никаких трясунцов не существует! — отрезала мисс Ваткинс. — Господин Горбо, будьте так добры, не забивайте головы детей всякими глупостями, от которых у них потом бывают кошмары.

— Я не боюсь какой-то там старой ведьмы, — презрительно сказал Пип.

Рядом с ним сидела Флора, озарённая солнечным светом. Она была тиха и неподвижна, её синие глаза ничего не выдавали. Флора выглядела как ребёнок, который за всю свою жизнь не сделал и даже не замыслил ничего плохого.

«Если бы я повстречала ведьму, я заставила бы её научить меня, как превращать людей в лягушек, — подумала она. — Кое-кто это очень даже заслужил».

Уже три года Флора ничего не произносила вслух. Её мысли порхали, как бабочки, но из головы не вырывались.

Мисс Ваткинс потеряла терпение.

— Я могу простить вам крышу, часы, полки и голову бедного Хамфри, — сказала она Горбо. — И мой сад со временем вырастет заново. Но вы подстрекаете этих детей нарушать правила, а позволить такое я не могу. Извините, господин Горбо, но пришло время сказать вам «до свиданья». Отныне вы нежелательны в «Солнечной бухте».

Воцарилась неприятная тишина, которую нарушали только крики чаек и возгласы играющих детей. Горбо уныло повесил голову. Пип нахмурился. Флора прикусила губу. «Нечестно».

— Это нечестно, — сказал за неё Пип. — Горбо взял пирожки только потому, что мы его попросили. Он сделал это по доброте душевной.

— Я рада видеть, Пип, что ты готов взять на себя вину, — сказала мисс Ваткинс, — но это ничего не меняет. Господин Горбо принял неразумное решение и теперь должен ответить за последствия содеянного. Я уверена, что он понимает это.

— Теперь-то уж понимаю, — вздохнул Горбо. — Вы говорите прямо как моя тётушка Шмяка.

Мисс Ваткинс открыла ящик стола, вытащила небольшой матерчатый мешочек и подвинула его по столу к Горбо.

— Ваше жалованье, господин Горбо.

Горбо удивился. Он распустил тесёмку и вытряхнул содержимое мешочка. По столешнице покатались монеты. Горбо взял одну и поднял так, чтобы на неё упал солнечный луч.

— Они очень блестящие, — вежливо сказал он. — Кто этот бородатый парень?

Мисс Крипнинг не поверила своим ушам.

— Это Его Величество, Король! — воскликнула она.

— Я возьму одну такую и приклею у себя дома на стене, — решил Горбо. Стянув с головы свою шапочку, похожую на блюдце, он поклонился сначала мисс Крипнинг, а затем мисс Ваткинс, да так, что его макушка едва не коснулась пола.

Повернувшись к детям, Горбо порылся в кармане и извлёк оттуда какие-то верёвочки.

— До свиданья, юные полумакароны, — сказал он, передавая каждому по верёвочке. — Завяжите на них узелки, чтобы помнить обо мне. Так мы говорим «до свиданья» в тех краях, откуда я родом. Пусть корочка вашего пирога всегда будет золотистой, и пусть ваша верёвочка никогда не размочалится. Слушайте мисс Ваткинс, потому что она знает, что к чему, а что ни к чему, и вы вырастаете благоразумными и здравомыслящими — не такими, как бедный старый Горбо, худший из снергов!

— Боже правый, что это ещё за снерги? — гневно вопро-
— Бсила мисс Крипнинг, когда звуки шагов Горбо стихли. —
Он говорил очень странно, бормотал о каких-то трусенцах
и выжималах.

— То были трясунцы, — сказал ей Пип. — И обжималы.

— Тем более странно, — заявила мисс Крипнинг. — Не могу
не посочувствовать этому парнишке. Полагаю, у него есть
жильё. Только вот найдёт ли он туда дорогу?

— Горбо знает, как ходить по лесам, — сказала мисс Ват-
кинс. Она хмуро заглянула в аквариум с золотой рыбкой. —
Надеюсь, он не забыл запереть калитку...

— Калитку? — удивилась мисс Крипнинг. — Какую ка-
литку?

Калитки, как и ворота, в «Солнечной бухте» всегда были открыты. Мисс Ваткинс верила в свои рябины и считала, что они не пропустят непрощенных гостей.

Мисс Ваткинс сжала губы так, словно что-то случайно проскочило между ними в рот, и посмотрела поверх стола на Пипа и Флору.

— Надеюсь, вы оба сожалеете о причинённых вами неприятностях, — сказала она, не ответив на вопрос. — Чтобы загладить свою вину, можете отнести мешок овощей Капитану Вандердекену.

Корабль Капитана, «Летучий голландец», стоял на якоре в соседней бухте. Путь туда был неблизкий. Если идти достаточно медленно, рассчитал Пип, можно пропустить всё утро занятий. Прогулка избавит его от ежедневной пытки чистописанием. И от пытки арифметикой с географией тоже...

— Не стоит беспокоиться о пропускаемых уроках, — сказала мисс Ваткинс, заметив блеск в глазах Пипа. — Потому что сегодня занятий не будет. Все остальные дети отправятся на пикник на остров Түпиков.

Казалось, что сама тишина была потрясена этим известием.

«Не оставляйте нас без пикника! Мы не можем не поехать на пикник!»

— Не оставляйте нас без пикника! — Пип эхом повторил безмолвный крик Флоры. — Мы его так ждали... Вы не говорили, что пикник будет сегодня!

Пикники на острове Түпиков были лучшим, что случилось летом в «Солнечной бухте». Они происходили не часто, а лишь тогда, когда мисс Ваткинс решала, быть пикнику или

не быть. Казалось, она всегда подстраивала так, чтобы небо было синим-пресиним, и чтобы море искрилось на солнце, и чтобы песок был самым подходящим для строительства песчаных замков. В бухту приходили лодки, чтобы перевезти детей на остров. Любопытствующие тюлени высовывали из воды свои усатые мордочки и провожали людей глазами, похожими на крохотные шоколадки. Иногда даже появлялись дельфины. На острове из лодок выгружали корзины с сэндвичами, выпечкой и лимонадом. И дети плавали, и прыгали в воду с плотов, и плескались в маленьких озерцах, оставшихся после прилива, и играли в чехарду, и было соревнование на Лучший Песчаный Замок, а потом, когда солнце уже зависало над горизонтом, все отправлялись домой — просолённые, в песке с головы до ног, зевающие, — готовые поужинать и лечь спать.

Поскольку Пип и Флора были новенькие в «Солнечной бухте», они ещё ни разу не плавали на остров Түпиков, зато они слышали, как другие дети с жаром рассказывали о пикниках, и знали, что им придётся пропустить.

Пип был в отчаянии.

— Мы встанем завтра очень-очень рано и отнесём Капитану его овощи, ещё до завтрака отнесём.

— Овощи Капитану нужны сегодня, — отрывисто сказала мисс Ваткинс. — Матрос Поллок куда-то задевал вставные зубы и не может жевать, поэтому у всей Команды будет овощной суп.

Команда «Летучего голландца» состояла из пожилых отставных матросов, у которых было очень мало зубов, а собственных домов и вовсе не имелось. Им всем было за семьде-

сят, а возраст некоторых приближался к девяноста. Капитан Вандердекен принял этих матросов на борт своего корабля и живо устроил им строгий режим, в который входили физические упражнения, учебные стрельбы из мушкетов и репетиции духового оркестра.

— Это лучшая команда из всех, с которыми я когда-либо ходил по морям, — частенько заявлял Капитан. На самом же деле, ни Капитан Вандердекен, ни его «Летучий голландец» уже очень давно не ходили ни по каким морям.

Досада просто распирала Пипа, и в конце концов он вышел из себя.

— Вы назначили пикник на сегодня, потому что хотите быть злой — лишь бы не пустить нас туда! И всё из-за ваших дурацких правил! Вы все их сами придумали, главное, чтобы они вас устраивали.

— Мой долг — оберегать порученных мне детей и обеспечивать их безопасность, — спокойно сказала мисс Ваткинс. — Без правил всякое может случиться. Может случиться всё что угодно.

— Хотел бы я, чтобы *что-нибудь* случилось! — разбушевался Пип. — Всё равно что. — Он показал на золотую рыбку в аквариуме. — Держу пари, рыбка тоже этого хочет. Она всё плавает и плавает кругами в своей вазе, и ей больше нечего делать, в конце концов ей это так наскучит, что она перевернётся кверху брюхом и *умрёт*. Вы хотите и нас держать так же, взаперти, но я не хочу застрять здесь в вашей безопасности!

Мисс Ваткинс посмотрела на его разгорячённое лицо, потом перевела взгляд на Флору, которая снова скрылась

за своими волосами. Мисс Ваткинс почувствовала угрызения совести. Может быть, она слишком сурова с ними? «Соберись! — сказала себе мисс Ваткинс. — Правила — это правила».

Ох, мисс Ваткинс! Если бы вы только прислушались к своим угрызениям! Если бы только Пип и Флора отправились на этот пикник! Скольких опасностей и неприятностей можно было бы избежать! Но что толку говорить «если бы»? Жизнь идёт сама по себе, к лучшему или к худшему. Иногда всё заканчивается счастливо.

А иногда — нет.

— Держитесь тропинки, — приказала мисс Ваткинс. — Будьте вежливы с Капитаном. И никаких задержек по пути. Абсолютно никаких!

В мрачном молчании мальчик и девочка побрели к воротам приюта, неся меж собой тяжёлый мешок с овощами. Жизнь опять прижала Пипа и Флору: им было грустно, но удивлены они не были. Удовольствия и счастье — это то, что достаётся другим людям. Жизнью управляют взрослые, а оба ребёнка давно уже научились не ждать от взрослых ничего особо хорошего.

Когда-то у Пипа была мама — женщина в усыпанном блёстками трико, которая совершала акробатические трюки на спине белого пони. Но однажды, посреди ночи, залитой

лунным светом, Белль Отчаянная Бомба ускочила из цирка с Изумительным Стефано-Шпагоглотателем, оставив после себя малолетнего сынишку, горстку блёсток и лёгкий запах конского пота. У Пипа был ещё отец — жилистый, свирепый мужчина, обладавший лютыми кулаками и очень болезненным ремнём, — и теперь, после бегства матери, дела пошли совсем плохо. Как ни жаль, но самый маленький и самый юный из Сказочных Самолетающих Семифреды оказался не таким уж сказочным самолетающим. Может быть, если бы его отец был не столь яростен и криклив и не столь скор на расправу со своим ремнём, Пип справился бы. Он старался изо всех сил — так старался, что даже заболел от ужаса и нервного напряжения, — но, если уж вы начали ожидать худшего, это худшее, как правило, и происходит.

В конце концов всё изменила тигрица. Когда бы и где бы цирк ни останавливался, все в округе приходили посмотреть на Бориса Смелого и его Кровожадную Зверюгу. Зверюга была старой и полинявшей, и порой, когда у Пипа случались неприятности и ему требовалось спрятаться, он заползал под её клетку на колёсах. Тигрицы он боялся куда меньше, чем гнева своего отца.

В тот день никто так и не понял, как тигрице удалось выбраться из клетки. Первым её заметил Пип — сверху, из-под купола цирка. У Сказочных Самолетающих Семифреды шла репетиция. И чем больше отец орал на сына, тем больше ошибок делал Пип. Он раскачивался на трапеции — вперёд и назад, туда и сюда, и ему было всё тошнотнее и тошнотнее, — как вдруг увидел: что-то полосатое крадётсЯ между пологами циркового тента.

— Что там с тобой такое? Чего ты ждёшь?

Его дядя и кузены составили пирамиду и теперь ждали, когда Пип спрыгнет с трапеции на её вершину. Отец стоял внизу пирамиды — все его мышцы вздулись, а лицо было красное и блестящее от пота.

— Прыгай, мягкотелый сопляк...

Отец хотел крикнуть что-то ещё, но тут ему ответила тигрица — глубоким, мрачным рёвом, от которого кровь стыла в жилах. Ещё больше криков было потом, когда пирамида, составленная из дядёв и кузенов, рухнула, образовав кучу тел с торчащими во все стороны руками и ногами. Мало-помалу все выбрались из этой кучи. Все, кроме отца Пипа, который остался лежать на арене...

Вот так и получилось, что Пип, никому не нужный и нечаянно безродный, оказался в «Солнечной бухте» — причём в тот же самый день, что и Флора.

Флора ничего не знала о свирепых отцах, да и о каких-либо других тоже не знала; её собственные отцы давным-давно куда-то задевались. Она выросла в своей детской, где были большой кукольный домик и пятнистый игрушечный конь-качалка, а ещё у неё была очень дорогая гувернантка-француженка. Мама Флоры виделась с дочерью только раз в день, потому как считала, что этого более чем достаточно.

— Материнство та-ак изнуряет, — бывало, жаловалась она подругам. — Конечно, я делаю всё возможное, но она такая странная маленькая штучка и к тому же ужасная болтушка. Она никогда не умолкает...

Как-то утром, весной — это было три года назад, — гувернантка повела Флору прогуляться в парке. Это был её день рождения; после прогулки, в качестве поощрения, ей позволили позавтракать вместе с матерью.

— Мама, тебе нужно пойти в парк и посмотреть на уток. — В тот день Флора говорила больше обычного. — Они очень милые, и, знаешь, они крикают. Вот так: кря-кря.

— Флора, не производи за столом всякие глупые звуки, — сказала мама. Накануне вечером она была в гостях — вела беседы с возможными будущими мужьями. Домой мама пришла очень поздно, и у неё болела голова.

— Там была ещё белка, — продолжала Флора. — Она забралась на дерево. Мама, ты хотела бы уметь забираться на деревья?

— Не говори с полным ртом, Флора, — сказала мама.

— А ещё там был голубь на одной ножке. — Флора не умолкала. — Как ты думаешь, мама, куда делась его вторая нога?

— Не набивай себе рот горошком, Флора, — сказала мама. — Леди так не делают.

— И ещё, — не останавливалась Флора, — там был человек, который играл на скрипке. Люди подходили и клали монетки в его шляпу. Я тоже хотела положить монетку, но мама сказала: поп*. Можно мне завтра вернуться и посмотреть, там ли он ещё?

— Флора, — сказала мама, — разве ты не можешь помолчать? Ты сводишь меня с ума.

* Нет (фр.).

— Но, мама, он был такой худой и выглядел таким голодным. Я думаю, ему нужно купить еды. Думаю...

— Флора, мне нет никакого дела до того, что ты думаешь. Мне нет никакого дела до уток, белок, голубей и людей со скрипками. ПЕРЕСТАНЬ РАЗГОВАРИВАТЬ!

Родителям следует с осторожностью выбирать слова.

Флора уставилась на лицо матери, искажённое от злости и головной боли, и сделала то, что от неё просили. Она перестала разговаривать. Она не произнесла больше ни слова — ни в тот день, ни на следующий, ни через следующий, ни когда-либо после. Даже когда к ней пришли и сказали, что «Титаник» столкнулся с айсбергом и затонул и что её мать с новым мужем ушли вместе с кораблём на дно океана, — Флора не издала ни звука.

Её прочие родственники очень встревожились из-за того, что им придётся принять столь странного и молчаливого ребёнка. Так и получилось, что Флора, никому не нужная и нечаянно безродная, оказалась в «Солнечной бухте» — причём в тот же самый день, что и Пип.

В то первое утро, когда они стояли бок о бок перед мисс Ваткинс в её длинной чёрной юбке и каждый чувствовал себя очень одиноким, дети тесно прижались друг к другу, и это чувство близости так и осталось между ними.

— Они освоятся, — с надеждой сказала тогда мисс Крипинг. Она всегда так говорила, если дети попадали в затруднительное положение. — Освоятся. Со временем.

Время шло. Дни превращались в недели, недели — в месяцы, и всё же новые сироты в приюте «Солнечная бухта» так, кажется, и не усвоили важность соблюдения правил.

Мешок с овощами был очень тяжёлый. На тропинке было мало места, чтобы Пип и Флора несли мешок меж собой, поэтому им пришлось тащить его — мешок волокся за ними по неровной земле.

— В любом случае овощи пойдут в суп, — резонно заметил Пип. — В сущности, мы даже сделаем полезное дело, если немного помнём их.

«Смотри!» — Флора беззвучно указала на море.

Из-за мыса показалась вереница небольших лодок, а внизу, в бухте, навстречу им двумя длинными шеренгами шли сироты «Солнечной бухты», мальчики и девочки порознь. С тяжестью на душе Пип и Флора смотрели со скалы, как лодки швартуются к причалу и в них забираются дети. Они видели, как посадкой командовала мисс Ваткинс — высокая угловатая фигура, стоявшая в дальнем конце пристани. Были там и господин Грибблстоун — полы учительской мантии развевались на ветру за его спиной, — и мисс Крипнинг в её соломенной шляпе. Они сновали туда-сюда, как пастушьи собаки, сгоняющие отставших овец. Лодочники в полосатых жилетах погрузили тяжёлые корзины с угощением для пикника, затем швартовы были отданы, и лодки развернулись носами к острову Тупиков.

Они становились всё меньше и меньше и были уже довольно далеко, когда воздух раскололся от оглушительного «БУМ!». Чайки завопили и умчались в небо.

— Это «Мертвячка Дорис», — сказал Пип. — Значит, уже двенадцать часов.

«Мертвячкой Дорис» называлась пушка на «Летучем голландце». Из неё стреляли в направлении моря каждый день

ровно в полдень. Капитан Вандердекен строго придерживался расписания.

— Всегда ожидайте неожиданностей, — говорил Капитан, который любил часами наблюдать за морем в подзорную трубу. — Никогда не знаешь, кто там может появиться!

Волоча за собой овощи, дети поплелись дальше. Чайки уже успокоились после полуденного залпа «Дорис», и снова воцарилась тишина — пока дети не добрались до скалы, которая возвышалась над следующей бухтой, той, где покачивался «Летучий голландец», стоявший на якоре.

— Раз — два, три! Раз — два, три! — Это был голос Капитана Вандердекена — голос столь сильный, что он перекрывал даже самый шумный шторм в море. — Раз — два, три! Дуйте, мои морячки, дуйте!

Команда «Летучего голландца», она же духовой оркестр, репетировала. Все играли, возможно, одну и ту же мелодию, но не все в одном и том же темпе. Звук был такой, что казалось, будто стадо металлических коров мычит под бой большого басового барабана.

Флора выпустила мешок и прижала руки к ушам. Пип ухмыльнулся.

Опустившись на землю, он подполз к краю скалы и заглянул вниз. Там, на берегу, маршировал духовой оркестр. Его возглавлял Капитан, отбивавший такт своей медной подзорной трубой. За ним шёл, шатаясь, матрос Поллок, согнувшийся под весом барабана.

— А ну-ка, поднатужиться! — рявкнул Капитан. — Я вас едва слышу!

Флора подползла и легла рядом с Пипом. Они увидели, как оркестр, сопя и трубя, добрался до дальнего края берега и там остановился, чтобы перевести дух.

— Снова! — приказал Капитан. — Кру-гом!

Корнет-а-пистон пошёл в одну сторону, тромбон пошёл в другую. Тенорная туба столкнулась с флюгельгорном.

— Правый галс! — проревел Капитан. — Идём правым галсом!

Вверху, на скале, Пип и Флора уставились в зияющее медное жерло тубы. Оно разверзлось прямо под ними — превосходная цель!

— Если бы только у нас был мячик... — пробормотал Пип.

Флора всунула что-то ему в руку. Луковица. «Давай — попробуй!»

Луковица пронеслась в воздухе и с ужасным бряканьем — хлоп! — угодила в пасть тубы.

Пип издал сдавленный вопль победы.

— Попал!

«А теперь я!»

Что-то просвистело мимо уха Пипа. Раздался жуткий треск — картофелина, пущенная Флорой, ударилась о шкуру большого басового барабана и... пробила её.

— Ого! — поразился Пип. — Не знал, что ты можешь так бросать.

Флора тоже не знала этого. Одной рукой она зажала себе рот, но её глаза смеялись.

— Вот теперь мы влипли, — предостерёг Пип Флору. — Гляди!

Капитан Вандердекен поднёс подзорную трубу к глазу и принялся обозревать верхушку скалы. Дети отползли назад, чтобы остаться незамеченными. Они так и не поняли, чья

именно нога угодила по мешку с овощами. Картошка, лук, капуста — всё покатилося вниз.

Дети хватались то за одно, то за другое, но всё было без толку. Овощи катились, прыгали, срывались с края скалы — и вот уже овощной дождь обрушился на головы стоявших внизу.

Раздались крики: «Противник открыл огонь!», «Пираты!», «Заряжай пушку!», — но всё перекрыл гневный голос Капитана:

— Я знаю, вы там, наверху, юные негодяи! Ну подождите, доберусь я до вас!

Пип и Флора не стали ждать. Они ещё раз окинули взглядом хаос внизу, взяли за руки и пустились бежать.

Если бы они прислушались к наказу мисс Ваткинс — «Никаких задержек по пути!» — и поспешили назад в приют, этот день сложился бы совершенно иначе. Но Пип и Флора отличались склонностью НЕ прислушиваться к наказаниям, да и откуда было им знать, что ожидает их за углом?

Пип и Флора домчались до высоких железных ворот приюта. Там они и остановились — разгорячённые, запыхавшиеся после бегства со скалы, но, во всяком случае, от гнева Капитана их отделяло уже безопасное расстояние.

— Если мы войдём, — сказал Пип, — нас заставят разгребать курятник или чистить миллион картошек для Поварихи. Затем придёт Капитан и пожалуется на нас, после чего мы попадём в настоящую беду.

Казалось, прекрасный летний день пошёл насмарку...

«Смотри. Там, наверху».

Флора уставилась на ветви старого грушевого дерева. Они протянулись над стеной приютского сада, и на них, прямо над головами детей, висели зелёно-золотые сокровища. Потребовалось меньше времени, чем произнести: «Лазание по де-